

ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ –
АВАНТЮРНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ
ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ

Деньги для киллера	Фуршет для одинокой дамы
Ставка на слабость	Амплуа девственницы
Тонкая штучка	Список донжуанов
Я – ваши неприятности	Ангел нового поколения
Строптивая мишень	Бочка но-шпы и ложка яда
Как бы не так	Мавр сделал свое дело
Чего хочет женщина	Тень стрекозы
Сестрички не промах	Одна, но пагубная страсть
Черта с два	Закон семи
Невинные дамские шалости	Сжигая за собой мосты
Жестокий мир мужчин	Последняя любовь Самурая
Отпетые плутовки	Невеста Калиостро
Ее маленькая тайна	Испанская легенда
Мой любимый киллер	4 любовника и подруга
Моя любимая стерва	Welcome в прошлое
Последнее слово за мной	С чистого листа
Чумовая дамочка	Мое второе я
Интим не предлагать	Уходи красиво
Овечка в волчьей шкуре	Неутолимая жажда
Барышня и хулиган	Огонь, мерцающий в сосуде
У прокурора век недолог	Она в моем сердце
Мой друг Тарантино	Найти, влюбиться и отомстить
Чудо в пушистых перьях	Тайна, покрытая мраком
Любовь очень зла	Выйти замуж любой ценой
Час пик для новобрачных	Миссия свыше
Фитнес для Красной Шапочки	Жаркое дыхание прошлого
Брудершaft с терминатором	Коллекционер пороков и страстей
Миллионерша желает
познакомиться	Судьба-волшебница
	Наследство бизнес-класс

СЕРИАЛ «ФЕНЬКА —
FEMME FATALE»

И буду век ему верна?

Единственная женщина
на свете

Трижды до восхода солнца

Вся правда, вся ложь

Я смотрю на тебя издали

Небеса рассудили иначе

СЕРИАЛ
«АНФИСА И ЖЕНЬКА —
СЫЩИЦЫ ПОНЕВОЛЕ»

Капкан на спонсора

На дело со своим ментом

Охотницы за привидениями

Неопознанный ходячий объект

«Коламбия пикчерз»

представляет

Предчувствия ее не обманули

СЕРИАЛ
«ОЛЬГА РЯЗАНЦЕВА —
ДАМА ДЛЯ ОСОБЫХ
ПОРУЧЕНИЙ»

Все в шоколаде

Вкус ледяного поцелуя

Эксклюзивный мачо

Большой секс в маленьком городе

Караоке для дамы с собачкой

Аста Ла Виста, беби!

Леди Феникс

Держи меня крепче

Новая жизнь не дается даром

СЕРИАЛ
«ОДНА ПРОТИВ ВСЕХ»

Ночь последнего дня

Та, что правит балом

Все точки над і

Один неверный шаг

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

ТАЙНА,
ПОКРЫТАЯ МРАКОМ

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Прохоровой*

Под редакцией *О. Рубис*

Коллаж на обложке *С. Груздева*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Тайна, покрытая мраком : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Авантюрный детектив Т. Поляковой).

ISBN 978-5-699-92199-7

Старушенция, у которой я работала компаньонкой, потребовала исполнить последнюю волю умирающей — отыскать ее любимого внука Андрюшеньку. С ним она разругалась пять лет назад и с тех пор не виделась. Как только я ввязалась в эту историю, поняла: кому-то очень не хочется, чтобы снова возник вопрос: куда подевался внучок? Его подозревают в убийстве... Вероятно, по этой причине старушка полицию избегает и искать внука предоставила мне. Задание оказалось — поди туда не знаю куда. И чем дальше я шла, тем страшнее становилось...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т. В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92199-7

— Чувствую, недолго мне осталось мучиться, — заявила Теодоровна, сурово глядя на меня. И тон бабки, и ее взгляд прозрачно намекали: во всех ее бедах виновата я, хотя она еще и не решила, как именно.

До этого момента я пребывала в сладких грезах, представляя дом на берегу теплого моря с собственным бассейном и отпадным видом из окна. И прикидывала, хватит мне трех спален или лучше выбрать дом попросторнее в расчете на детей, которых еще надо было завести, а для начала выйти замуж, желательно за красавца-брюнета с отличной фигурой, покладистым характером и намерением любить меня долго и неумолимо в ближайшие пятьдесят лет. В очереди никто не стоял, но мечтать мне это не мешало. Последние полгода своей жизни я только этим и занималась, что позволяло избавляться от занудства старушенции. Ко всему прочему от подобных фантазий, с моей точки зрения, была явная практическая польза: если когда-нибудь наткнусь на грузовик, полный денег, не придется долго гадать, на что их потратить. Фантазии мои подразделялись на две группы: мечты по максимуму (дом на море, красавец-брюнет, безразмерный счет в банке и весь мир у моих ног) и мечты по минимуму — в этом случае я, как известный персонаж, на вопрос: «Сколько вам надо для полного счастья?» — могла ответить с точ-

ностью до копейки: два миллиона восемьсот пятьдесят тысяч плюс тридцать тысяч на поездку в Турцию (неделя беззаботной жизни на море), дальше сама справлюсь. Итого: два миллиона восемьсот восемьдесят тысяч рублей.

Грустно сознавать, что такие деньги на горизонте не маячили. А значит, со счастьем придется повременить. Оттого в тот вечер я и мечтала по максимуму. И то, что бабка вернула меня в этот мир скорби и печали, здорово разозлило.

— С чего это вдруг? — задала я вопрос, с подозрением к ней приглядываясь. Выглядела она как обычно: не хуже и не лучше.

— Ах, милочка, — вздохнула старушенция. — В моем возрасте, чтобы умереть, особых причин не нужно. Разумеется, малолетней дурочке вроде тебя этого не понять.

— Куда уж мне, — съязвила я.

Бабка положила ладошку на тощую грудь и добавила со вздохом:

— Сердце, зараза, болит.

— Давайте отвезу вас к доктору, — предложила я, пытаюсь отгадать, что там с ее сердцем: действительно болит или Теодоровна по обыкновению наводит тень на плетень. Я склонялась ко второму, но беспокойство уже закралось в душу, а ну как для разнообразия бабка сказала правду?

Верить ей я была в принципе не склонна, потому что врала она много, самозабвенно и весьма изобретательно. Начнем с того, что здорово намудрила с возрастом. В день нашего знакомства, полгода назад, она заявила, что родилась в Лондоне в семье российского дипломата. По-английски бабка и вправду говорила куда лучше, чем я, и я скушала ее историю, глазом не моргнув. Следующие недели три я продолжала слушать бабку, открыв рот. Милана

Теодоровна в прошлом актриса, само собой, выдающаяся. Служить ей доводилось во многих театрах, старушка козыряла названиями, вгоняя меня в ступор. Были среди них и «Ковент-Гарден», и даже «Ла Скала». И это я проглотила, потому что, по словам бабки, «являлась продуктом своего времени». Хоть она и произносила эти слова с ехидством ни с чем не сравнимым, приходилось признать ее безусловную правоту. В голове моей имелся ворох сведений, почерпнутых в основном из глянцевого журналов и Интернета. И к театрам я себя причислить не могла, в театре бывала нечасто, если уж совсем честно, то лишь два раза. В первый раз с мамой в кукольном театре, когда мне было лет семь, второй уже в институте: я вместе с одногруппниками отправилась в Большой театр на «Лебединое озеро». От первого посещения воспоминаний практически не осталось, из второго я вынесла убеждение, что под классическую музыку приятно мечтать и танцоры на сцене нисколько этому не мешают, что приятно вдвойне.

Застукав меня как-то с любовным романом в руках, бабка разразилась тирадой, что воспитать себя достойным человеком можно только на классике. И тут же принялась сыпать фамилиями авторов, по большей части мне неизвестных, и, подозреваю, таких же замшелых, как сама старушка. Из интереса к ее внутреннему миру пару книжек из названных ею я все-таки прочитала и пришла к выводу, что они вряд ли способны на меня повлиять, хотя бы потому, что засыпала я, как правило, уже на пятой странице, а проснувшись, ничего из прочитанного вспомнить не могла; это вовсе не мешало, развесив уши, слушать бабкины рассказы, уж очень здорово у нее выходило. Одно время я даже начала воображать себя актрисой... Перед глазами почему-то упорно маячила Анджелина Джели, потом неизменно появлялся

Брэд Питт, и я с легкостью переключалась с брюнетов на голубоглазых блондинов. Блондины, к сожалению, тоже в очереди не стояли.

Короче, я свято верила бабкиным рассказам, пока в ее повествовании не возник Немирович-Данченко. Бабка с ним приятельствовала, и он посвятил ей в своих воспоминаниях две главы, седьмую и шестнадцатую. Как видно, старуха считала меня совсем дремучей, однако о Немировиче-Данченко я кое-что слышала, и бабкин рассказ вызвал смутные подозрения. Выглядела она, по моему мнению, лет на сто, однако я решила-таки уточнить возможный временной диапазон и забила в поисковую строку любимого планшета известную фамилию. Вышло, что блистать на сцене рядом с ним бабка никак не могла, если Теодоровна не из породы бессмертных, разумеется. Кстати, я охотно могла допустить, что ей и вправду перевалило за сотню, однако в этом случае наш президент просто обязан был поздравить ее с очередным юбилеем, учитывая демографическую ситуацию в стране и все эти разговоры, что наши граждане и до пенсии не всегда доживают.

В общем, я заподозрила бабку в злостном запудривании моих мозгов и к ее рассказам стала относиться с сомнением. Вновь обратилась к помощи Интернета и выяснила много интересного: в «Ла Скала» драматической актрисе просто нечего делать, а в списках «народных» фамилия старушечки не значится. Я пошла дальше и, когда бабка спала, а днем она спала часа три-четыре, не меньше, малость покопалась в ее бумагах. Ими был забит целый шкаф в ее кабинете. И очень скоро обнаружила свидетельство о рождении. Паспорт бабки я не раз видела, в нем черным по белому значилось полное имя: Милана Теодоровна Остроумова-Меллер. Согласитесь, звучит впечатляюще, так что и в «Ковент-Гарден» охот-

но поверишь. Чуть ниже в паспорте имелось обширное жирное пятно, и о возрасте Теодоровны и месте ее рождения оставалось лишь догадываться. Я решила, бабка поставила пятно нарочно, чтобы никто о ее летах не знал. Вполне извинительное желание казаться моложе, чем ты есть на самом деле (я сама с легкостью врала, что мне двадцать пять, а иногда и двадцать три, если уж совсем нагледла), хотя в бабкином случае разница в десять или двадцать лет, с моей точки зрения, по существу, ничего не меняла. Так вот, обнаружив свидетельство о рождении, тщательно запрятанное в шкатулку с лакированным верхом, я долго чертыхалась сквозь зубы, потому что бабка намудрила не только с возрастом (оказалось, что ей всего-то восемьдесят один год, а не сто, щедро отвешенных мною), но и с именем: звалась она Маланьей Федоровной Востриковой, а родилась в деревне Блудово, так что о папуле-дипломате можно было тут же забыть. Возмущение переполняло, и я, не сходя с места, поклялась старушке в принципе не верить, однако знание английского языка плюс французский все же оставалось, и кое-что еще в придачу, и теперь я гадала: что из бабкиных рассказов вранье, а что правда. Потратив кучу времени, я выяснила, что последним местом ее службы был драмтеатр в небольшом сибирском городе, и вздохнула с облегчением: не окажись бабка актрисой, я бы здорово расстроилась, а человечество много бы потеряло, потому что актриса она точно от бога, запросто изобразит что угодно. Например, умирающую.

Однако, несмотря на данное самой себе слово ни при каких обстоятельствах не верить Теодоровне, мое беспокойство все нарастало. Здоровье у старушки вполне в норме, но кто знает... Восемьдесят один год тоже возраст. Я даже решила, что ждать завтрашнего дня не стоит, можно прямо сейчас

позвонить Ивану Христофорычу. Кстати, тот еще фрукт. Немногим моложе бабки, крупный дяденька в неизменном клетчатом пиджаке и галстуке-бабочке. С лысым шишковатым черепом и в очочках без оправы. Он жил неподалеку в старом доме из красного кирпича на две квартиры. В подъезде ковровая дорожка, горшок с фикусом, а на его двери вместо звонка собачья лапа из бронзы, которой надлежало как следует бухнуть, и не один раз, потому что Христофорыч был глуховат. А еще была золотая табличка с надписью «Любимцев И. Х., профессор медицины». Может, он и вправду профессор, но, по мне, так просто старый дурень. Бабку я возила к нему примерно раз в две недели.

— Ну-с, как наши дела? — важно спрашивал он.

Они устраивались в креслах и часа полтора пили чай, вспоминая былых знакомых, по большей части уже покойников. При этом Христофорыч упорно называл бабку «моя прекрасная Матильда», что лишь укрепляло мои подозрения о прогрессирующем маразме, целовал ей руки и умильно улыбался, слушая ее нытье, что времена уже не те. Потом бабка снимала блузку розового цвета с рюшами и брошью гигантских размеров (подарок австрийского посланника, который был безнадежно влюблен), а Христофорыч вооружался стетоскопом и минут пять счастливо дремал с открытыми глазами, после чего с улыбкой заявлял:

— Неплохо, да-с, совсем, скажу я вам, неплохо... — И вручал бабке пузырек с каплями.

Первые два дня после визита к нему бабка порхала по дому точно бабочка и даже предпринимала вылазки в город, в торговый центр или в парк, где бродила точно привидение, летом с кружевным зонтом, а зимой с побитой молью меховой муфтой на атласном шнуре неопределенного цвета. Народ тарасился во

все глаза, а бабка ехидно ухмылялась. Одно время я даже заподозрила: может, старый хмырь ей наркоту втюхивает для придания бодрости, хлебнула из бутылка, но никаких перемен в себе после этого не обнаружила и успокоилась.

Мое предложение немедленно позвонить Христофорычу на этот раз было встречено совсем не благосклонно. Бабка только рукой махнула. Уговорить ее показаться нормальному врачу возможным не представлялось. Им старушенция не доверяла, обзывая неумехами.

— Что нынешняя молодежь может смыслить в медицине? — говорила она, закатив глаза. — Им лишь бы денег содрать побольше. Нехристи... Вот был у меня знакомый доктор, хирург с мировым именем...

Далее следовал очередной рассказ, в нем неизменно присутствовала большая любовь (в бабку влюблялись все когда-то встреченные ею мужчины), ответить на которую она не могла, потому что ее сердце безраздельно принадлежало искусству. Театр — ее единственная любовь. Надо полагать, взаимностью ей не ответили. Хотя как знать... С Теодоровной никогда наверняка ничего не скажешь. От ее трепотни иногда голова пухла, но скучно с ней точно не было.

Тут, пожалуй, стоит пояснить, как меня сюда занесло. Я имею в виду, как меня угораздило стать сиделкой или, следуя бабкиной терминологии, «компаньонкой» старушенции, неумоимо впадающей в маразм.

Двадцать семь лет моей жизни прошли вполне счастливо, хоть и без особых событий. Мою биографию смело можно назвать ничем не примечательной (еще один повод предаваться фантазиям). Родилась я в небольшом городке (ну хоть не деревня Блудово — уже хорошо), в обычной семье, где мама — работник собеса, а папа — инженер, окончила школу, тоже

самую обычную, и отправилась в областной центр поступать в университет. Поехала я больше за компанию, в университет мечтала поступить моя подруга Ирка, тяготевшая к юриспруденции. Я ни к чему особо не тяготела, но о необходимости образования была наслышана и против юриспруденции не возражала. В совместных мечтах мы делали блестящую карьеру, я видела себя за рулем шикарной тачки, в стильном костюме и с мобильником в руке, который звонит не переставая: клиенты жаждут получить консультацию (нам мерещилась адвокатская контора, что-то вроде «Гроссман, Смирнов и сыновья»). Счет в банке растет не по дням, а по часам... Или вот еще... я бегу по городу на высоких каблуках, в том же стильном костюме, в одной руке стаканчик с кофе, в другой — мобильный, который звонит беспрестанно... вокруг почему-то небоскребы. Что-то похожее не раз и не два я видела в американских фильмах... В общем, фантазии на троечку. Девушек с такими же мечтами пруд пруди. А есть еще и парни.

Короче, вместо юридического мы оказались на факультете социологии, куда на всякий случай тоже подали документы. Потратив год, я худо-бедно вникла в предмет, но так и не смогла постичь, какая может быть польза от этой самой социологии. Ирка бросила университет на втором курсе, потому что поступила только на платное отделение, учиться и работать у нее не получалось, а родители за учебу платить не могли. Подружка вернулась домой и стала работать парикмахером, закончив курсы. Благодаря ее стараниям волосы у меня просто загляденье. Ирка успела выйти замуж, родить ребенка... Если честно, я ей даже завидовала. По сравнению с моей жизнью ее была событиями чрезвычайно богата.

Как бы то ни было, но через положенные несколько лет я таки стала обладательницей диплома

о высшем образовании и тут же обзавелась легким беспокойством в душе: куда с этим дипломом податься.

Но мне повезло: бывшая соседка по общежитию устроилась в весьма солидную фирму, где вскоре освободилось тепленькое местечко. Я шла на собеседование, очень сомневаясь в удаче. Предполагаемая должность не имела никакого отношения к социологии. Но подруга сказала: да по фигу, лишь бы диплом был. И оказалась права. Меня приняли на работу, и очень скоро мои мечты, уже подзабытые, начали стремительно претворяться в жизнь. Туфли на каблуках, стильный костюм и мобильный, беспрерывно звонивший.

С 9.00 до 19.00 я прилежно трудилась. Потом, заскочив на полчаса в съемную квартиру (приличный район, новый дом, хороший ремонт), отправлялась развлекаться с друзьями в ночной клуб... Чья-то дача, иногда киношка... Три коротеньких романа. Двое претендентов на долгую и счастливую совместную жизнь, по здравом размышлении, мне не подошли, третьему не подошла я, о чем сказать мне он так и не решился и попросту исчез, сменив адрес и мобильный. Довольно длительные отношения (девять месяцев и тринадцать дней) с мужчиной на двенадцать лет старше меня закончились неутешительно, между делом выяснилось, что он женат и в семействе со дня на день ждут прибавления. Еще год случайных знакомств с более-менее удачным сексом (чаще менее, чем более), и я начала впадать в легкую панику. Время стремительно несло вперед, а тот единственный все не появлялся. Свободных мужиков вокруг становилось все меньше, а разговоры моих подружек все чаще сводились к следующему: нет, вы подумайте, эта дура (дур везде пруд пруди) замуж выходит, а у меня даже постоянного мужика нет. Страшное

словосочетание «старая дева» еще не произносилось, но все к тому неумолимо скатывалось. Обе мои верные подружки по развлечениям скоропостижно сошли с дистанции, не дожидаясь предложения руки и сердца и довольствуясь туманным «давай поживем вместе». Одна силилась выглядеть счастливой, другая громко материлась, призывая на голову «этого придурка» все возможные несчастья, но порвать с ним не торопилась, а я гадала, который из этих вариантов и меня ожидает, и в знак протеста решила выйти замуж исключительно по большой любви. А ежели таковой не случится, буду жить в гордом одиночестве. И никаких клубов и случайных связей.

Придерживаться последнего пункта было легче легкого. К тому времени посещать клубы мне было не с кем, подружки при мужиках, а одна не пойдешь. В ожидании любви я решила заняться обустройством быта, купила по ипотеке квартиру и машину в кредит. Чем спускать деньги на развлечения, лучше потратить их с пользой. Я успела переехать в новую квартиру и дважды попасть в незначительную аварию на своей «Шкоде», прежде чем грянул гром, как пишут в романах. Совладелец фирмы, в которой я работала, вдруг решил, что компаньон ему без надобности. Следовало тихо отсидеться в надежде, что перемены лично на мне не скажутся. Но меня внезапно обуяла жажда справедливости, и я вместе еще с двумя-тремя такими же недотепами приняла самое деятельное участие в возникшем конфликте. Итог оказался плачевным. Мы вслед за бывшим хозяином оказались на улице с перспективой искать себе другое место, а в других местах, кстати сказать, нас не ждали, потому что теперешний единоличный хозяин фирмы в отместку принял небезуспешные шаги к тому, чтобы «склочников и скандалистов» вроде нас приличные люди и на порог не пускали.

Надо сказать, что боевой задор еще вовсю бушевал во мне, и в панику я впадать не спешила, для начала решив умерить свои требования. Сойдет скромная зарплата, лишь бы было чем за ипотеку платить. Но мой диплом особого впечатления не производил, а желающих трудиться за скромные деньги оказалось куда больше свободных мест. Денежки, отложенные на отпуск, стремительно таяли, и перспективы выглядели туманно. Я уже подумывала: а не податься ли в продавщицы? С квартирой в этом случае придется распрощаться. Родители вызвались мне помогать, но я-то знала: моя ипотека — ноша для них непосильная, это во-первых, а во-вторых, свои проблемы надо решать самой, а не сидеть у папы с мамой на шее, там уже есть один сиделец — мой великовозрастный братец с алиментами на двоих детей и ставкой киномеханика в клубе железнодорожников. В общем, я подыскивала покупателя на свою машину, перешла на полезную овсяную кашу, сократив бюджет до минимума, и дни напролет рылась в Интернете в поиске вакансий.

И тут соседка, заглянув ко мне вечером с черничным пирогом и чаем в пакетиках, поинтересовалась, как идут мои дела, и, выслушав краткий отчет об очередных неудачах, вдруг заявила:

— У меня есть знакомая старушка, давняя клиентка. — (Соседка у меня портниха, причем с обширной клиентурой.) — Так вот, ей нужна сиделка. Бабка, к слову сказать, не сахар, но деньги обещает приличные. Просила подыскать ей девушку, одинокую, потому что жить у старухи придется. Порядочную, чтоб не обворовала, не дуру, потому что предыдущая сиделка, по ее словам, чуть в гроб не вогнала своей глупостью, и симпатичную, это чтоб с ней не стыдно было на людях показаться. Я бы еще добавила — терпеливую, потому что бабка заговорит любого. Само